

Предисловие Николая Старикова

Мемуары начальника контрразведки

Знаете ли вы, в чем главная причина победы большевиков и поражения Белого движения? Она состоит в том, что со стороны большевиков были политики, знающие не понаслышке механизмы переворотов, тайных альянсов и секретного финансирования. А со стороны Белого движения были... военные. Честные русские генералы и офицеры. Поэтому красные победили, а белые проиграли. Войны всегда начинают политики, и именно политики их и заканчивают. Военные только выполняют приказы, умирают за Родину, совершают подвиги. Но политическая целесообразность тех или иных действий, включая действия военные, всегда определяется политиками. Заниматься политикой, не имея политиков в своем составе, — вот причина поражения Белого движения. Белых предали союзники по Антанте. И практически до самого конца *никто* из белых руководителей просто не мог предположить, что союзники намеренно гробят Белое движение, сознательно его умерщвляют. Потому что видят в нем ту самую Россию, которую они и старались сжить со света. Тот факт, что за организацией революции стояли не немцы, а англичане и французы, вообще никем из Белых не осознавался вплоть до самого их поражения.

Мемуары, которые вы читаете, написаны русским офицером Борисом Владимировичем Никитиным. Не политиком. Совсем не политиком. Хотя с 12 марта 1917 года ему довелось исполнять обязанности начальника контрразведки Петроградского военного округа. Он честно служил России,

но так и не понял причину ее гибели. Рассказывая читателю о финансировании большевиков немцами, он совсем не замечает помощи революционерам со стороны Антанты. И в этом движется в фарватере обычных представлений той поры.

Но есть масса деталей, которые выделяют мемуары Никитина среди прочих и делают их важным историческим документом. Деникин или Врангель, когда писали свои воспоминания, в той или иной степени были связаны с политикой. Являясь вождями, пусть и в эмиграции, они были обязаны «подбирать слова». Никитин же, будучи начальником контрразведки, имел прямой доступ к секретным сведениям, которых не имели даже высокопоставленные офицеры русской армии. Тем более что с июля 1917 года он был назначен начальником разведывательного отделения Главного Управления Генерального Штаба.

В сентябре 1917 года Никитин ушел в отставку из-за несогласия с позицией Временного правительства и травли Керенским генерала Корнилова. Дальше — показательный момент. Временное правительство под диктовку Антанты ведет Россию к гибели, передавая власть большевикам, а также признавая Украину отдельной страной. Но высшее офицерство этого как бы не замечает, рассуждая лишь об ошибках и заблуждениях, в то время когда речь идет о прямом предательстве со стороны Временного правительства. Премьер Керенский, марионетка Антанты, откровенно подыгрывал Ленину. Что удивительно — белые мемуаристы, описывая множество фактов, буквально вопиющих об измене, сделать выводы отчего-то не могут: «Председатель Правительства, военный министр приказал немедленно прекратить захваты складов оружия на заводах и разоружение рабочих. Он считает, что сознание народа уже настолько развилось,

Настоящие тираны человечества —
иллюзии, созданные им самим.

Гюстав Лебон

Глава 1

На развалинах

7 марта 1917 года мне пришлось по личным делам попасть в Петроград. Я был отпущен с фронта на три дня.

Еще в вагоне мне неотступно приходило на мысль, какой простор для немцев открывала в России революция и как упрощались их задачи.

Увы... иронией судьбы именно мне же и выпал жребий быть начальником контрразведки в Округе, возглавившем революцию.

По прибытии в Петроград я отправился являться в Главное управление Генерального штаба и там встретился с князем Тумановым и Туган-Барановским¹. Оба стали уговаривать меня остаться в Петрограде, а на мои отказы и уверения, что я должен вернуться на фронт для продолжения интересной задачи, мне неизменно возражали, что все равно оставят меня именем военного министра. Мои споры не привели ни к чему; через три дня я получил приказ о назначении

¹ Один — товарищ военного министра, другой — начальник Канцелярии и, как «младотурки», были из тех, кто вершили судьбы военного министерства.

в распоряжение Главнокомандующего Петроградского округа генерала Корнилова.

12 марта вечером я явился к Корнилову, а последний сразу же назначил меня начальником контрразведки. Разговор был в дружеской форме в присутствии начальника Штаба — генерала Рубец-Масальского. Я упорно просил избавить меня от деятельности, не свойственной моему характеру и которой к тому же я никогда не занимался. Корнилов настаивал, ободрял приятной для моего самолюбия уверенностью в успехе; а Рубец-Масальский шутил, играя словами, говоря, что разведка, знакомая мне по войне, или контрразведка — почти одно и то же.

Наконец, мне указали, что я должен принять на себя выполнение задач, имеющих при новых условиях чрезвычайное государственное значение, и должен пересилить себя для блага Родины. Те же доводы неизменно приводил впоследствии и Туган-Барановский, когда при наших встречах я никогда не упускал случая поблагодарить его за столь дружескую услугу.

А положение было следующее.

Как известно, в дни февральского переворота из тюрем Петрограда было выпущено до 10 тысяч уголовных преступников. Все они были освобождены толпой под видом людей, пострадавших за убеждения при старом режиме. Конечно, на свободу попали и все уличенные в шпионаже.

Февральские события, по большинству их исторических описаний, принято называть стихийными: монархия пала стихийно; также был сожжен Окружной суд; толпа стихийно разбила тюрьмы, свергла полицию и т. д. Таковы, как объясняют, размах и поэзия февральских дней. Как выходит просто, как красиво. Стоит лишь сослаться на историческую причинность, чтобы все стало сразу понятным. Здесь я хотел бы

привести лишь справку об одном явлении той же категории, разгромившем дотла старую контрразведку и о котором мне пришлось произвести весьма подробное исследование¹.

Один из неприятельских агентов — Карл Гибсон, которого, кстати, я вновь поймал через полтора месяца и водворил в тюрьму, выскочив на свободу при февральском перевороте, первое же, что сделал, это привел толпу и ворвался с ней в помещение контрразведки под предлогом, что пришел громить «охранку». Начав разгром, он прежде всего разыскал свое досье в делах по алфавиту и, конечно, унес его с собою. Толпа, руководимая Гибсоном, переломала шкафы, сожгла и перервала много бумаг, разбросала по полу до 300 тысяч регистрационных карточек, хранившихся в алфавитном порядке.

Служащих тут же захватили и поволокли в Государственную Думу, где их намеренно представили как политических агентов охранного отделения и посадили в отдельную комнату. А на Знаменской улице к дверям контрразведки был приставлен караул от революционных войск, а само отделение опечатано².

Прежде всего, предстояло удалить караул, снять печати. Но проделать это было не так просто: для сего надо иметь ордер из Государственной Думы, а чтобы попасть в последнюю — получить пропуск.

¹ Я не исследовал участия немцев в других фазах февральской революции за недостатком времени. Приходилось смотреть только вперед. Случайно в главе «Из журнала контрразведки» я привожу подробности дела одного штабного офицера, связанного с немцами и принявшего также заметное участие в февральских событиях.

В этих же рамках читатель сам проследит за Нахамкесом; прямых документов для него у меня не было.

² Проживающий в Париже старый контрразведчик полковник Соколов мог бы привести детали истории Карла Гибсона.

Пропуск я получил 12-го вечером, а 13-го с утра отправился в Таврический дворец.

Тут попадаю во всевозможные толпы и хвосты и несколько раз отсылаюсь обратно.

Сюда на первых порах устремились те, кто хотел сконструировать власть. Но революция уже покрыла их новой волной: 13 марта я попадаю прямо в Совдеп. В многочисленных комнатах — секции, комитеты и комиссии, которым надлежит ведать буквально всеми государственными вопросами.

Но большая их часть завалена бесконечным числом мелких частных дел, как то: арестом, расследованием либо освобождением лиц, причастных к старому режиму.

На разных дверях читаю плакаты с надписями вроде следующих: «Агитаторы для отправки на фронт от такой-то партии» или: «Группа агитаторов-республиканцев», «Запись агитаторов на фронт» и даже «Курсы агитаторов».

В коридорах толпы народа; всё, казалось, перепуталось.

Вдруг, после нескольких часов ожидания, я неожиданно добираюсь до очень важной персоны — нового адъютанта коменданта. Как сейчас помню эту фигуру среднего роста, в морской форме, с серебряными погонами с одной звездочкой.

Узнав, кто я и зачем пришел, он, сразу переменив тон, становится отменно любезным.

Только через три дня, когда мне пришлось поехать в Таврический дворец и арестовать этого адъютанта, только через три дня я понял его желание угодить мне при первой встрече¹.

Однако возвращаясь к этой первой встрече. Адъютант ведет меня к коменданту; последний выдает необходимые бумаги; наконец, адъютант же, расталкивая толпу, провожает

¹ См. гл. «Петроградская трясина».

до самой улицы, прося, конечно, использовать его в предстоящей мне работе.

Прохожу через караул, снимаю печати; нахожу поломанные столы, взломанные шкафы и горы обгоревшей и разорванной бумаги.

Но если фасад был обращен в обломки, то уже внутренняя сеть просто исчезла.

В самом деле, до революции главным источником всякого рода осведомлений было вездесущее охранное отделение Министерства внутренних дел. Само же министерство имело в своем распоряжении все средства страны — прямые и вспомогательные.

Эта громадная машина добывала всякого рода сведения, поэтому вплоть до революции и в деле осведомления контрразведки большую роль играла полиция.

Но февральская революция с корнем вырвала не только политическую полицию, но все органы государства, ограждающие общество от всякого рода нарушителей закона, деяния которых везде и при любом строе караются суровым судом.

Удары наносились в марте по Министерству внутренних дел с особым злорадством.

В печати шла травля часто по непроверенным подозрениям; отдельные шайки (кстати, не могу назвать их иначе) гонялись за теми, чьи имена кем-нибудь и как-нибудь проносились.

Поэтому те, кто служил раньше в полиции, навсегда прятались, а секретные агенты, вероятно, сами старались забыть о своей службе.

Конечно, эти преследования имели свои причины: исторические, бытовые, несомненно, психологические и, может быть, национальные. Я хочу только подчеркнуть этот факт, имевший место в русской революции и внесший впоследст-

вии так много трагичности в деятельность не одной только контрразведки.

В Германии после ноябрьской революции 1918 года вся полиция осталась на своих местах. Новая власть проявила к ней чуткую заботу: обращалась к населению с особыми воззваниями, приглашала служащих не покидать своих постов. Сохранив таким путем органы, поддерживающие общественный порядок, немецкие правительства имели в дни испытаний и аппарат противодействия.

Совсем иначе было в России. Уже в ночь с 1-го на 2 марта несколько делегатов от Совета солдатских и рабочих депутатов, возглавляемых Нахамкесом, предъявили членам Временного правительства ряд условий, на которых они согласны мириться с его существованием. Одним из первых пунктов было требование о замене полиции милицией с выборным началом. Временное правительство, которое еще было в периоде своего формирования, пыталось, в лице своих отдельных членов, смягчить ультиматум в отношении других вопросов, но молча согласилось на учреждение милиции. Тотчас же в провинцию полетели телеграммы о свержении полиции, телеграммы, содержание которых всем нам было хорошо известно из повседневной печати. Это тоже «стихийное» явление, налаженное не без Нахамкеса и его единомышленников, резко ударило по контрразведке, так как лишало ее не только налаженной годами секретной агентуры, но и поддержки административных органов всей страны.

С наружным личным составом было не лучше: мне предстояло освободить его из-под ареста, пересмотреть и часть уволить, так как оставлять на службе лиц, в какой-либо мере причастных к политической полиции, я официально уже не мог.